

Известия. — 1996. — 16 марта. — с. 4
 Станислав ЛЕМ: «Я всегда

удирал в космос»

Валерий ТУРОВСКИЙ, «Известия»

Узнав, что его дом в пригороде Кракова интересуется посетить большая группа журналистов из бывшего СССР, писатель с перепугу вначале отказал всем. Но потом смилостивился и решил: «Ну человек пять-шесть я, пожалуй, еще и переживу». И это вовсе не каприз гения, уставшего от внимания прессы. Осенью ему исполняется 75 лет. Ежедневная на протяжении полувека писательская работа состарила его еще больше. В прошлом месяце обнаружившийся диабет пагубно повлиял на слух. Ему просто физически было бы тяжело отразить столь мощный набег журналистов. Бросили жребий. Повезло.

«Повезло» — именно то слово, потому что из всех многочисленных и очень интересных встреч с польской интеллигенцией эта почти двухчасовая беседа со Станиславом Лемом оказалась вершинной и кульминационной. Даже небольшие поклонники научной фантастики, к которым отношу и себя, были поражены той ясностью ума и четкостью формулировок человека, всю свою писательскую жизнь проведшего в космосе.

— Я должен заняться перевооружением этого проклятого слухового аппарата, а то, когда лишь на одном правом ухе, этого уже для меня мало. Ну-с, вы представляете весь спектр советских людей или среди вас есть нездоровые либералы? — спросил Лем. Поверив на слово, что все мы крайне нездоровые либералы, писатель продолжил.

— В 1963—68 годах я только понял, что и впереди, и сзади моих книг должен существовать оборотный эффект. Пусть себе, — решил я, — в глупых предисловиях и послесловиях пишу, что здесь Лем недотанул, здесь недопонял. Наверняка в этих изданиях были купюры, где я, видимо, выглядел, с точки зрения цензуры, совсем уж непонятливым. Но проверить этого я не могу и не хочу. Не стану же я читать себя на всех языках мира.

Сейчас я сознательно отошел от большой прозы, пишу сборник эссе «Тайна китайской комнаты», внешне продолжающий «Сумму технологий». Но саму «Сумму технологий» мне продолжать не хочется. Это может оказаться вечной книгой, которую невозможно будет никогда закончить. На какую книжную полку, в какой раздел встанет «Тайна китайской комнаты» — даже не представляю. Это и не фантастика, и не научно-популярный труд.

— Вы писали, что научная фантастика помогает точнее рассмотреть социальные и нравственные проблемы. И предсказывали, что у СССР треснет хребет к 2025 году. Но Оруэлл в «1984» и Андрей Амальрик в книге «Присуществовал ли Советский Союз до 1984 года?» вроде бы оказались точнее в своих прогнозах.

— Дав этот, как вы говорите, прогноз я во время введения военного положения вынужден был ударить из Польши. Иначе бы это обрвало все мои международные связи. Точные прогнозы — все же не мое дело. Если завтра у Коля или Ельцина лопнет какой-нибудь сосуд, то прахом может пойти вся история. Я не могу предугадывать, в какой момент и у кого из политиков лопнет сосуд. Все-таки мои возможности ограничены, и я могу только предугадывать тенденцию развития мира.

Сейчас самое страшное явление на земле — это рождение большой популяции. Из тех миллионов младенцев, родившихся в прошлом году, — сколько их доживет здоровыми до зрелого возраста? Поэтому я не могу согласиться ни с папой римским, ни с нашими консерваторами, требующими запрета абортов. Здесь необходима разумная регуляция популяции, когда от лишнего мучений и трагедий можно избавиться и плод, и несостоявшихся несчастных родителей.

Я вижу беду и в том, что сейчас в обществе происходит техническая интервенция, информационный прессинг. Иногда мне начинает казаться, что не человек проникнул от обезьяны, а обезьяна — от человека. Ей, обезьяне, что нужно? Есть да смотреть на мир. Потребности разговаривать, думать, читать у нее ведь не возникает. Так и мы со своими телевизорами, разнообразными спутниками только то и делаем, что едим и тупо смотрим на экран. Я научился смотреть телевизор с выключенным звуком, потому что на всех двадцати каналах одно и то же: войны, террористические акты, насилия и грабежи. А мне все это уже неинтересно, как неинте-

ресно знать, сколько зарабатывает какой-то человек и что там происходит в рок-культуре.

У нас, в мире, происходит процесс рождения искусственной интеллигенции и искусственного интеллекта. Когда я смотрю на вашего Каспарова, то мне мерещится трактор или даже танк, который способен своим интеллектом прошибить любую стену.

— Скажите, пожалуйста, пан Лем, помните ли вы свои первые впечатления от фильма Андрея Тарковского «Солярис» и претерпели ли они за прошедшие почти четверть века какие-то изменения?

— Помню. Не претерпели. Мне бы не хотелось говорить о таланте, тем более ушедшем от нас человеке что-то плохое. Но реальность такова, что мы с Тарковским, который сам писал и сценарий, разругались навсегда. Я во всех своих основных книгах удирал в космос. А Андрей пытался заземлить сюжет «Соляриса», дать Крису земную жизнь, обложить его со всех сторон семьей и родственниками. Я кричал ему тогда: «Андрей, ты дурак, ты из фантастической, космической истории хочешь сделать нечто соцреалистическое». Он действительно явно не понимал законов жанра фантастики.

Это видно и по «Сталкеру», когда из остроумного, местами озорного и прежде всего философского сюжета братьев Стругацких он сотворил нечто мифически-мистическое. Но гениальному режиссеру гениального «Андрея Рублева» я готов простить и давно уже простил все. Тем более, что сейчас меня подстерегает новая опасность. В Голливуде приступают к съемкам римейка «Соляриса» с максимальным использованием компьютерной технологии, виртуальной реальности и прочих техницизмов. С ужасом жду этого творческого результата.

Давая согласие на новую экранизацию «Соляриса», я робко попытался оговорить за собой право на пересъемку каких-то эпизодов, если они окажутся абсолютно перпендикулярны замыслу книги. На меня замахали руками, объясняя, что минимальная пересъемка взорвет бюджет картины. Я сдался. Пусть что получится, то и будет. Или пусть будет, что получится. Когда я пишу, я отвечаю за каждое свое слово. Но вот приходит режиссер, и я становлюсь бессильным. Я не умею сопротивляться. Тормоз опасности постоянно срабатывал во мне. Я считаю, что пусть лучше не будет никакого фильма, чем будет плохой. Конечно, риск есть, но я вполне сознательно на этот риск пошел.

— Вам нравятся те изменения, которые сейчас произошли и происходят в Польше, ее стремительный скачок к капитализму?

— Иногда я напоминаю себе старого еврея из популярного анекдота. Он в магазине вращает голову, ища страну, в которой ему хотелось бы навеки поселиться. Не находит и с надеждой в голосе спрашивает продавца: «А нет ли у вас другого глобуса?» Конечно, есть страны, в которых мне хотелось бы жить еще меньше, чем здесь. Во Львове, в котором я родился и в котором прошли годы моей юношеской жизни, мне уже жить не хочется. Так близка Россия, так она непредсказуема. Ну что за дела, если Международный валютный фонд выделяет России 9 миллиардов долларов на усмирение одного какого-то Жириновского? У вас, к несчастью, случается всякое. И всякое всегда случается к несчастью.

Но, конечно же, мое сердце осталось во Львове. Возможно, это юношеская ностальгия, когда, не ведая страха, я ходил по его окраинам, где после четвертого, сталинско-гитлеровского раздела Польши, собирал какие-то гильзы и снаряды, гонял футбольный мяч. Лучше бы я гонял его и по сей день, чем занимался бы тем, чем занимаюсь. Я знаю, что у вас есть замечательные теннисисты, Кафельников, на-

пример. Так вот призовые фонды этим молодым ребятам доходят до 300 000 долларов. А если меня или какого другого писателя, ученого ближе к ста годам от роду выдвинут на Нобелевскую премию и вручат 80 000 долларов, то зачем они нам будут уже нужны, на что их нам останется тратить? Нет, лучше гонять мяч.

— Пан Лем, ваше отношение к женщинам? Почему их так мало среди персонажей ваших книг?

— А что женщинам делать на космических кораблях? Тут же начнутся сплетни, появятся маленькие дети и отвлекать мужчин от работы в космосе. А вообще отношение к женщинам у меня всегда было связано только с любовью. Мне повезло. Я это чувство познал и продолжаю испытывать даже в столь преклонном возрасте. Может быть, без любви я не стал бы тем, кем стал. Может быть, без любви у меня не могло бы появиться те 1 100 или даже 1 200 иностранных изданий моих книг.

Без любви вид обнаженного женского тела мне абсолютно неинтересен. Анатомию я и так знаю, зачем-то же я заканчивал медицинский факультет Ягеллонского университета. Роды принимал — не нравилось. Пришлось податься в писатели. Мне сын из Америки привозит иногда порнографические журналы, которые будут посильнее «Плейбоя». Многие так и лежат нераспечатанными. Я спросил его однажды: «А почему в этих журналах нет обнаженных женщин лет 86? Это ведь тоже женское тело, существующее по законам одной и той же анатомии». Он ответил что-то невнятное про цели и задачи подобного рода изданий.

А что тут еще ответишь? Кроме того, что мне со всех сторон неинтересен этот вид издательской деятельности, у меня попросту нет на это и времени. Вы наверняка не представляете кучу тех звонков на разных языках, которые требуют от меня, чтобы я что-то сказал, что-то написал, на что-то ответил. А стоит нам с женой на несколько дней выехать в Альпы, как на моем столе вырастают горы писем и журналов. Я не разрешаю себе прикасаться к ним 2—3 недели. И по прошествии этого срока актуальность многих писем и приглашений отпадает сама собой: уже где-то что-то состоялось, произошло или свершилось. Без меня.

Просто я давно уже понял, что жизнь небесконечна, что к ее исходу нужно научиться отказываться от многих еще совсем недавно существенных для тебя вещей. Ведь человек не умирает весь и сразу, человек умирает квантами, частями. Последний лыжный спуск с гор, последняя женщина, последний сет в теннис, последняя сигарета, последняя рюмка водки. Интересные и важные для человека вещи умирают первыми. Потом уже умирает и сам человек.

Должен вам признать последнее, что жизнь человека, написавшего огромное количество книг, вышедших миллионными тиражами во всем мире, — неинтересна. То ли дело Майкл Джексон, которого знают даже те, кто и не хотел бы его знать. Популярность писателя и популярность эстрадной звезды — несопоставимы. Хорошо, что еще остались в мире такие страны, как Россия, где отношение к литературе, к книге в отличие от Запада остается самым осмысленным, трепетным и ненасытным.

ВАРШАВА—КРАКОВ—МОСКВА.